

ФИЛЬМ «ПОКАЯНИЕ» был воспринят у нас в стране как событие, выходящее далеко за рамки кинематографа. Произведение, каждый кадр которого проникнут ненавистью к произволу диктаторской власти, сильно отрезонило в духовной жизни общества, переживающего период интенсивной демократизации. А режиссер Тенгиз Абуладзе стал, пожалуй, одной из самых популярных личностей последних лет.

О художественных достоинствах «Покаяния» свидетельствуют сразу три награды (Большой специальный приз жюри, приз ФИПРЕССИ и премия Ватикана), полученные фильмом на последнем Каннском фестивале. Впрочем, с Канн и началось в 1956 г. международное признание Абуладзе. Картина «Лурджа Магданы», поставленная им совместно с другим дебютантом Ревазом Чхеидзе (ныне также одним из лидеров грузинского кино), получила здесь первую премию по разряду короткометражных фильмов. Неприятный сюжет о больном ослике, которого выходили дети вдовы-крестьянки, покорял на экране искренностью любви к простым людям и их нехитрым жизненным заботам. На Западе здесь увиделись некая параллель итальянскому неореализму, а у нас, сами того не подозревая, молодые режиссеры стали флагманами нового направления в грузинском кино: на смену помпезным кинополотнам сталинской эпохи приходили истории, возвращенные реальной жизнью. Это была середина 1950-х годов, пора XX съезда КПСС, оттепели, десталинизации...

Выражаясь высокопарно, сама муза советского кино стояла у колыбели Абуладзе. Корифей мирового экрана Сергей Эйзенштейн посоветовал подростку поступить на режиссерский факультет ВГИКа. Педагогами Абуладзе в стенах института были Александр Довженко, Сергей Юткевич и другие крупные мастера.

В кадры ранних фильмов Абуладзе, таких как «Чужие дети» (1958) или «Я, бабушка. Илико и Илларион» (1963) вывалилась подлинная жизнь Грузии, шумные улицы колоритного Тбилиси, будни деревни, затерянной в горах, горести и радости обыкновенных людей. Психолог и бытописец, Тенгиз Абуладзе научился правдиво и поэтично запечатлеть жизнь своего народа, раскрывая поэтичное и светлое в обыденном.

Однако сам Абуладзе ныне считает ранние свои фильмы (пусть они и принесли ему несомненное признание) лишь подступами к главному делу жизни — созданию кинотрилогии: «Мольба» (1968), «Древо желаний» (1977) и «Покаяние» (1984—1986). Действительно, перед нами удивительный триптих, мощное создание киноискусства, где сплетено настоящее и прошлое, где судьба человека предстает на эпическом фоне судьбы народа. Но в творчестве большого художника все бывает взаимосвязано: и в зрелых творениях Абуладзе, в этих мощных поэтических экранных фресках, сохраняется тонкое психологическое мастерство, «живопись» характера, чувства. Абуладзе работает не только размашистой широкой кистью, но и тоненькой кисточкой, ею он прописывает нюансы, скрытые движения души, слезинку на ресницах ребенка или стра-

Тенгиз Абуладзе и его фильмы

дающей девушки. И наверное, если бы в «Покаянии» не было бы с таким истинным сочувствием и, можно сказать, нежностью передано горе униженных и оскорбленных, пострадавших от социального произвола, не выросла бы во все: ее зловецем масштабе фигура диктатора Варлама...

При всем интернационализме своих творческих принципов и мироощущения, при высоком уважении и к русской культуре (родственной по религиозным и историческим корням), и к культурным сокровищницам Европы и Востока фильмы Абуладзе — истинно грузинские. Не только потому, что их текст всегда грузинский, сыграны они грузинскими актерами и т. д. Художник питается соками родной грузинской земли, черпает мотивы и темы в ее драматической истории, в ее современности.

Фильм «Мольба» Абуладзе снимал по поэтическим произведениям и философским миниатюрам грузинского классика Важа Пшавелы. В «Моль-

бе» постановщик пытался воплотить конфликт между Добром и Злом, красотой и уродством, честью и бесчестьем. Действие фильма разворачивается в некие давние, легендарные времена в горах и долинах Кавказа, где издавна проживали племена и народы, принадлежавшие к различным вероисповеданиям, этническим группам. Вслед за великим гуманистом Важа Пшавелой наш современник Абуладзе во весь голос высказался против вражды, разделяющей народы, против недоверия, подозрительности, ненависти.

В картине «Древо желаний», поставленной по мотивам рассказов известного грузинского писателя Георгия Леонидзе, та же тема губительной власти предрассудков, вражды. Но раскрывается она на материале жизни грузинского села в 1910-х гг., когда вся Россия и ее окраины уже бурлят в преддверии революции. На этом конкретно-историческом фоне разыгрывается трагедия деревенской

красавицы, девушки Мариты, которую сельские авторитеты, а вслед за ними и озверевшая толпа подвергают аутодафе за неподчинение местным неписаным законам, за любовь к бедному парню, неровне. Сцена гибели Мариты, которую мучители гонят по осенней грязи, одетую в рубище и усаженную верхом на осла задом наперед, — позорная казнь! — напоминает смерть птицы, описанную Важа Пшавелой, и предвещает скорбные, раздирающие сердце эпизоды «Покаяния», такие как арест бедной Нино, которую буквально отдирают от маленькой дочки и заталкивают в арестантскую машину, как сцене, где женщины и дети, родные политических заключенных, ищут на бревнах, пригнанных с сибирского лесоповала, весточки от своих несчастных близких. С гражданским гневом и солидарностью с без вины виноватыми Тенгиз Абуладзе высказал с экрана свою любовь и ненависть.

«Зло, пришедшее к власти, — это социальный тупик», —

комментирует «Покаяние» сам постановщик. Зловещая фигура диктатора Варлама высится в фильме как символ целой эпохи. С не меньшим горьким знанием дела, с желанием развить механизмы преступления рисует фильм и наследников Варлама — коррумпированное поколение стяжателей, типичных для времени, которое ныне именуют «застойным». И заглушая зловеще-барабанные речи Варлама, заглушая уверенливые демагогические разглагольствования его сына Авеля, звучит с экрана «Покаяния» мощный и чистый реквием по погибшим в массовых расправах периода беззаконий. И скорбь и гнев, и смех и слезы — все на предельном накале!

Фильм «Покаяние», показанный у нас в стране на рубеже 1986-87 годов, произвел едва ли не шоковое впечатление. И воздействие его продолжается.

«Покаяние» идет по всему миру. Абуладзе, побывавший на нескольких премьерах, рассказывает, что в большинстве зарубежных аудиторий фильм смотрится так же, как в Москве или, скажем в Тбилиси: в тех же моментах зал замирает, смеется, аплодирует... Фильм обладает общечеловеческим звучанием, несмотря на его, казалось бы, сугубо «внутреннюю» специфику. Пережившим трагические катаклизмы истории людям XX века, где бы они ни жили, ненавистны тирания и социальный обман.

...Седой ежик коротко стриженных волос, внимательные глаза под толстыми стеклами роговых очков, неторопливые и спокойные манеры — в скромной внешности Тенгиза Абуладзе живет нечто неуловимо артистичное, выдающееся в нем Мастера с большой буквы. Наверное, это прежде всего сосредоточенность. Всегда кажется, что этот безупречно любезный, приветливый, открытый человек постоянно несет в себе еще нечто сокровенное, куда посторонним нет доступа. А это и есть, вероятно, внутренний мир художника: груз и опыт прожитых лет, завязи будущих творений.

Н. ЗОРКАЯ.

На снимках: народный артист Грузинской ССР Авандиль Махарадзе в роли Варлама Аравидзе — главного героя фильма «Покаяние»; кадр из фильма «Мольба»; режиссер Тенгиз Абуладзе.